ЖИЗНЬ ЧЕЛОВѢКА,

или

ПРОГУЛКА ПО НЕВСКОМУ ПРОСПЕКТУ.

Невскій проспектъ, отъ Дворцовой площади и до Невскаго монастыря — это не только цѣлый городъ, цѣлая столица, это цѣлый міръ; міръ вещественный и міръ духовный, міръ событій, столкновеній, случайностей, міръ хитрой и сложной расчетливости, тонкихъ происковъ и продувнаго пустозвона; это палата ума и торная колея дурачества; бездна премудрости и шутовской подмостъ фиглярства; кладезь замысловатости, и битая мостовая пошлости; картинная галлерея скромной модности и позорище модной скромности; выставка щегольства, роскоши и вкуса — базаръ чванства и суетности, толкучій рынокъ многихъ, если

не всѣхъ, слабостей и глупостей людскихъ; опорная точка, основаніе дѣйствій и цѣлой жизни одного человѣка — поворотный кругъ и солнцестояніе другаго; это ратное поприще и укромная келія — бѣгъ въ запуски на безпредѣльное пространство и тѣсный кругъ коловращенія вкругъ наемнаго очага. Разгульная пѣснь лихаго тунеядца сливается здѣсь съ тихимъ вздохомъ труда и стономъ нужды. Служба, и военная и гражданская и словомъ всякая, мелькаетъ вправо и влѣво, впереди и назади — и тутъ же снуютъ туда и сюда самыя неслужебныя лица, озабоченныя своими и чужими расчетами, нуждой и горемъ — прохаживаются чванно самодовольныя, самонадѣянныя, упитанныя и умащенныя куколки; и между ними и между службой, скользятъ и ватаги вольницы и тунеядцевъ. Вертлявый живчикъ пляшетъ рядомъ съ неповоротливой торговкой; сущій подобень, снимокъ съ модной картинки, обгоняетъ сальнаго пирожника, подмастерья въ пестрядевомъ халатѣ, голландскаго

шкипера въ байковой рубахѣ. А загляните въ жилье — въ подвалы, ярусы и чердаки — тутъ въ одно и тоже время и крестятъ и отпѣваютъ — и сватаютъ и вѣнчаютъ, и хоронятъ и рожаютъ — и нѣтъ нужды, нѣтъ потребности, которой бы нельзя удовлетворить по безконечной площади этой, отъ Зимняго Дворца до Невскаго монастыря; тутъ все, вся лѣствица зданій, званій, чиновъ, возрастовъ и половъ.

Другой описалъ уже населеніе Невскаго проспекта по днямъ и часамъ, по суточнымъ перемѣнамъ; вы видѣли, что по Невскому движется цѣлый міръ, сбываетъ и прибываетъ по перемѣнно круглые сутки — но міръ этотъ образуется и составляется изъ сложностей всѣхъ чиновъ и званій, изъ совокупности нѣсколькихъ тысячъ людей, коихъ судьба сводитъ день за день изо всѣхъ концовъ столицы и цѣлаго Царства; это не тотъ міръ, о которомъ я хочу говорить; дайте мнѣ расказать вамъ какимъ образомъ для одного частнаго человѣка весь міръ ограничивался собственно стѣнами Невскаго проспекта, и какъ самое

даже воображеніе этого лица, въ разгульныя мгновенія, не летало далѣе Елагина, Каменнаго и Крестовскаго! Каждое изъ лицъ, составляющихъ собою міръ совокупностей на Невскомъ служитъ міру часъ, а много два въ сутки; остальное время лицедѣи наши проводятъ во всѣхъ концахъ столицы, продолжаютъ комедію или трагедію свою въ Садовой, Гороховой, Литейной, а иной пожалуй, даже на Острову и на Пескахъ — но нашъ герой не сбивался во весь свой вѣкъ со столбоваго пути Невскаго проспекта и былъ и жилъ тутъ весь свой вѣкъ; тутъ онъ началъ жизнь, тутъ и кончилъ; и даже самая развилина этой первой въ мірѣ улицы, за каретнымъ рядомъ, не соблазнила его, какъ мы впослѣдствіи увидимъ: онъ покинулъ Мытненскую и пошелъ на право, къ Невскому, не призадумавшись ни на минуту.

И такъ, лѣтъ тому будетъ съ 50, въ одномъ изъ крайнихъ деревянныхъ домиковъ къ Невскому монастырю, жилъ нѣмецъ, булочникъ. Его звали разумѣется

Иваномъ Ивановичемъ, какъ уже и въ то время звали всѣхъ Нѣмцовъ — булочниковъ и колбасниковъ; Иваны Адамовичи были, какъ извѣстно, воспитатели, учители; Карлы Ивановичи или Иваны Карловичи доктора, и Нѣмцы служащіе; а имена: Адольфъ, Августъ, Густавъ и другія, болѣе замысловатыя, составляли собственность Нѣмцовъ — художниковъ и музыкантовъ. Иванъ Ивановичъ былъ также художникъ въ своемъ ремеслѣ, но, какъ человѣкъ весьма скромный и не заносчивый, довольствовался именемъ и отчествомъ Ивана. Была у него жена Анна Ивановна, и болѣе не было никого; дѣтей Богъ не далъ. Иванъ Ивановичъ нажилъ уже подъ Невскимъ порядочное въ быту этомъ состояніе, часто тужилъ и скучалъ за наслѣдникомъ, но все ложился и вставалъ бездѣтенъ, пекъ сухари, крендельки и булочки, мѣнялъ на себѣ верхнее бѣлье, колпакъ и передникъ, по три раза въ недѣлю, въ урочные дни и часы, сдавалъ все это опять счетомъ Аннѣ Ивановнѣ и указывалъ только пальцемъ на то мѣсто,

которое требовало починки; Анна Ивановна чинила, штопала, мыла, катала, гладила, — сухари и булочки продавались успѣшно, а чета наша жила въ одиночествѣ, ребятишекъ Богъ не давалъ.

Подслушалъ ли кто желаніе Ивана Ивановича и Анны Ивановны, или просто своимъ умомъ догадался, что зажиточному бездѣтнику булочнику можно поднести при случаѣ гостинецъ — не знаю; но тутъ случилось вотъ что: въ темный осенній вечеръ, когда Анна Ивановна давно уже закрыла ставни и собиралась подать на столъ картофель и молочный супъ, (а у нея была своя коровка) — кто–то постучался довольно сильно у того окна, гдѣ была деревянная форточка, вмѣсто нынѣшнихъ жестяныхъ, и сказалъ, на вопросъ старика: что нужно? «Иванъ Ивановичъ, выдь на минуту, выдь скорѣй пожалуста, письмо къ тебѣ есть, нужное дѣло.» Иванъ Ивановичъ положилъ бѣлую глиняную трубочку свою бережно на карнизъ печки, накинулъ не торопясь стеганый халатъ, отворилъ осторожно двери, между тѣмъ какъ Анна

Ивановна, немного встревоженная, ему свѣтила; вышедъ на крыльце онъ спросилъ: «ну, какой письмо, что нужно?» Все было тихо, никто не отвѣчалъ ни слова. Иванъ Ивановичъ оглядывался кругомъ, готовился уже вымолвить прескверную русскую брань, которую перенялъ, со свойственною иностранцамъ легкостію, у нашего народа — но какъ онъ дѣлалъ все вообще не торопясь, то и хотѣлъ сперва осмотрѣться хорошенько, въ потьмахъ сталъ спускаться со знакомаго ему крыльца, вытаращивъ глаза прямо на улицу — спотыкнулся и чуть не отмѣрялъ по мостовой косую сажень. Изъ–подъ ногъ его какой–то свертокъ покатился по пяти или шести ступенямъ и въ тоже время раздался изъ него жалобный крикъ котенка. Въ женскомъ сердцѣ Анны Ивановны отозвалось какое–то неизвѣстное намъ, мущинамъ, чувство; она поставила свѣчу торопливо на полъ, и кинулась къ котенку. Иванъ Ивановичъ также сошелъ съ крыльца, не торопясь, и съ удивленіемъ оглядывался въ потьмахъ, между тѣмъ какъ свѣтъ отъ свѣчи въ сѣняхъ освѣщалъ

великолѣпно цвѣтной халатъ его и бѣлый какъ снѣгъ колпакъ. «Что же это значитъ?» спросилъ онъ, нагнувшись къ находкѣ своей, надъ которой хлопотала Анна Ивановна: котенокъ оказался ребенкомъ, новорожденнымъ мальчикомъ. Его внесли въ покои — и съ нимъ явилась у Анны Ивановны бездна хлопотъ и заботъ. «Богъ послалъ,» говорила Анна Ивановна, «надобно за нимъ ходить какъ за своимъ.»

Ребенокъ былъ завернутъ въ поношенное женское платье и укутанъ сверху русскимъ бѣлымъ утиральникомъ; во рту соска, на шеѣ мѣдный тѣльникъ, а въ утиральникѣ нашлась записка, писанная какимъ–то полууставомъ: «просимъ принять сего младенца, нареченнова Іосифомъ, который очень хорошева роду.»

Этотъ Гомеръ хорошаго роду, долго былъ загадкой для добраго булочника, не гораздаго на русскую грамоту; нечеткая записка заставляла подозрѣвать, что тутъ кроется какое нибудь недоумѣніе, и только недѣль шесть спустя, нашелся отставной Сенатскій писарь, голова дѣловая, который

смогъ вывести Ивана Ивановича и всѣхъ друзей, пріятелей и свойственниковъ его изъ отчаяннаго положенія называть крещенаго человѣка неизвѣстнымъ, во всемъ христіанскомъ мірѣ, именемъ Гомера, и дать мальчишкѣ подлинную кличку его. Все дѣло заключалось въ томъ, что въ запискѣ написано было не Гомеромъ, а Іосифомъ; хотя правду сказать, мудрено было разгадать полуграмотную скоропись, и Сенатскій писарь видно не даромъ слылъ мастеромъ и докою своего дѣла.

Какъ всякій нежданный и необычайный случай, и этотъ также навелъ на Ивана Ивановича какую–то робость; онъ не зналъ, недоумѣвалъ, къ добру ли это, къ худу ли, ухаживалъ по немногу весь вечеръ около найденыша и какъ будто былъ доволенъ по неволѣ; онъ видѣлъ необходимость принять ребенка, воображалъ, что наконецъ сдѣлался отцомъ, можетъ воспитать, образовать ребенка, радоваться дѣтскими забавами и успѣхами его — но въ тоже время перечила всему этому мысль, что это чужой, какой–

то подкидышъ, что за нимъ будетъ много заботъ и безпокойства, и Богъ вѣсть что изъ него выйдетъ. Наконецъ Иванъ Ивановичъ утѣшился тѣмъ, что если изъ ребенка выйдетъ негодяй, то покрайней мѣрѣ онъ не сынъ его, не родной. Анна Ивановна не думала ни о чемъ, а хлопотала около младенца, доставала изъ обитаго бронзой комода старое бѣлье и собиралась тотчасъ же кроить изъ него пеленки. «Изъ поношеннаго лучше,» говорила она мужу, который задумался и ничего не слышалъ, «изъ поношеннаго лучше, это помягче, не такъ сурово, какъ новое.»

Такимъ образомъ герой нашъ увидѣлъ свѣтъ, или покрайней мѣрѣ, явился на свѣтѣ, въ самомъ концѣ Невскаго проспекта и сверхъ того на правой, плебейской сторонѣ его; съ этой минуты начинается прогулка этого человѣка по одной и той же улицѣ, и много суждено было ему еще испытать, до переходу на лѣвую аристократическую сторону Проспекта, по которой происходило

обратное низшествіе его до самаго Невскаго кладбища.

Первый поводъ къ восхожденію было то, что названные родители Іосифа прекраснаго стали подвигаться по немногу все выше и выше по Невскому, по мѣрѣ того, какъ состояніе ихъ улучшалось. Перемѣнивъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, раза три квартиру, Иванъ Ивановичъ пекъ булки и сухари уже на углу Владимірской, когда мальчику минуло восемь лѣтъ. Тутъ происходило важное разсужденіе и совѣщаніе о тѣлесномъ и духовномъ благѣ его и окончилось во первыхъ, удостовѣреніемъ доктора, что Оська дѣйствительно и точно долженъ состоять въ близкомъ свойствѣ съ африканскимъ, сирѣчь одногорбымъ верблюдомъ, съ верблюдомъ объ одной холкѣ или собственно такъ называемымъ наромъ или дромадеромъ; во вторыхъ, что ему грамотѣ учиться необходимо, но въ школы Аннинскую и Петропавловскую ходить далеко, а потому и должно принять предложеніе отставнаго Сенатскаго писца

Косолапова и отдать ему Оську въ науку, съ платою по одному гривенному ситнику и по десятку сухарей (большой руки) на день и съ поднесеніемъ ему, Косолапову, въ Пасху по одному куличу, а къ именинамъ его (въ день Андрея Первозваннаго) по одному трехчетвертному кренделю. Вѣсъ и мѣра кулича предоставлялась великодушію подносителей.

И такъ Оська выдался горбунчикомъ; мнѣнія о причинѣ такого тѣлеснаго недостатка, или правильнѣе избытка, были не одинаковы. Анна Ивановна полагала, что грѣхъ лежитъ на совѣсти Ивана Ивановича, который пощупалъ не осторожно ногою подкинутый на крыльце тючекъ или свертокъ, и такъ сказать, свернулъ питомцу своему шею при первомъ съ нимъ свиданіи. Иванъ Ивановичъ не соглашался, но не умѣлъ основательно опровергнуть такой поклепъ и прибѣгалъ всегда къ защитѣ доктора, который обвинялъ одно только золотушное расположеніе мальчика и знатное, по всей вѣроятности, происхожденіе его. Съ этимъ Иванъ

Ивановичъ охотно соглашался и показывалъ всѣмъ записку, бывшую при найденышѣ; не умѣя самъ прочитать ее, просилъ онъ другихъ читать вслухъ, и переводилъ ее по Нѣмецки, объясняя, что «очень хорошева роду» значитъ: aus einer sehr guten Familie; дѣло сбыточное и вѣроятное; горбъ, это привѣсокъ или недовѣсокъ къ головѣ, къ мозгу; и если не подлежитъ сомнѣнію, что мозгъ необходимъ и для людей изъ очень хорошей фамиліи, то нельзя удивляться тому, что мозгъ этотъ, по тѣснотѣ въ головѣ или по случайному наполненію чѣмъ–либо инымъ, не удивительно, говорю, что полное количество мозгу, необходимое для человѣка, хорошаго роду иногда не помѣщается въ тѣсной полости черепа, и потому привѣшивается въ видѣ отдѣльной ноши. Докторъ не совсѣмъ соглашался на подобные выводы и заключенія земляка своего и друга; но какъ пиво и табакъ были у Ивана Ивановича превосходны, и доктора, Ивана Карловича, ожидала въ домѣ друга его каждый вечеръ, въ

положенный часъ, готовая доска и кости трикъ–трака, то онъ и старался, по врожденной уступчивости своей, находить мнѣніе Ивана Ивановича, покрайней мѣрѣ, замысловатымъ, остроумнымъ и правдоподобнымъ.

Іосифъ научился шутя двумъ языкамъ, Русскому, и Нѣмецкому, выучился читать и писать, и Андрей Косолаповъ съѣлъ ситники свои и сухари не даромъ. Оська началъ съ псалтыря и часослова и въ 12 лѣтъ читалъ уже бѣгло по верхамъ всякую церковную и гражданскую грамоту. За дра, тха, пха, тогдашняго времени, достался ему правда не одинъ толчокъ и любимое поощреніе учителя его: «олухъ, орѣховъ надаю, вотъ такъ и пойду стучать табакеркой по головѣ» частенько приводилось въ дѣйствительное исполненіе; но Іосифъ былъ самъ увѣренъ, что русская грамота безъ этого не дается никому, и что одну только нѣмецкую можно преподавать, какъ дѣлала Анна Ивановна, на изюмахъ, миндаляхъ и пряникахъ, а потому и нисколько не удивился, когда за выучку

наукѣ класть на щеты — что по понятіямъ Іосифа также принадлежало къ русской грамотѣ — Косолапову прибавили еще пятокъ сухарей, а учитель набавилъ Оськѣ по стольку же лишнихъ долбушекъ въ голову, подъ особеннымъ названіемъ кокосовъ. Съ этихъ–то поръ кости на счетахъ и кокосы сблизились въ умѣ мальчика до такой степени, что онъ и подъ старость никогда не могъ взять въ руки эти приказныя гусли, не выговоривъ мысленно про себя: кокосы.

Наступило время разсужденія, чѣмъ быть Оськѣ и по какой дорогѣ его пустить. Анна Ивановна очень скорбѣла о томъ, что даровитый питомецъ ея былъ не одинаковаго съ нею исповѣданія и потому никакъ не могъ воспользоваться основательнымъ поприщемъ или званіемъ, которое она, по связямъ своимъ, могла бы со временемъ ему доставить; а именно: званіе и мѣсто кистера или дьячка въ Нѣмецкой церкви. Голосъ, увѣряла Анна Ивановна, былъ у горбунчика рѣзкій и вѣрный, и прихожанамъ было бы пріятно и

легко слѣдовать за его напѣвомъ. Докторъ совѣтовалъ отдать мальчика въ науку токарю, потому что всегдашнее движеніе и стоячая жизнь будутъ горбунчику полезны. Но токарь, также Иванъ Ивановичъ, кумъ или сватъ нашего булочника, отказался отъ горбунчика, потому что для него–де надо строить особый станокъ, а до станка, устроеннаго для людей обыкновенныхъ, онъ не достанетъ и носомъ. И такъ Оську отдали къ жестянику, на углу противъ Аничкова моста. Такимъ образомъ восхожденіе этого солнышка продолжалось; и онъ все по немногу подвигался по Невскому проспекту выше и выше, и стучалъ, паялъ и заклепывалъ съ большимъ усердіемъ, хотя честный жестяникъ пророчилъ тёзкѣ своему, булочнику Ивану Ивановичу, что Іосифъ во всю жизнь свою не сдѣлаетъ ни одного геніальнаго кофейника, потому что въ глубинѣ души этого Іосифа не таится тонкое чувство изящнаго, необходимое для всякой клепани жестяной работы.

И точно Гомеръ нашъ, Оська тожъ, въ родню былъ толстъ, да не въ родню былъ простъ. Привѣсокъ хребтоваго мозгу, столь необходимый, по мнѣнію булочника, для пополненія недостатка мозгу головнаго, не далъ Іосифу той смышлености и остроты, которая не рѣдко бываетъ удѣломъ сутуловатыхъ и горбатыхъ. Іосифъ прекрасный, Осипъ Ивановичъ тожъ, былъ мирный гражданинъ этого міра, чуждался всѣхъ отважныхъ соображеній и предпріятій, какъ напримѣръ: добѣжать по Фонтанкѣ до Гороховой, перейти безъ всякой нужды Проспектъ, и пройтись по лѣвой, аристократической сторонѣ его, и прочее — нѣтъ, Осипъ Ивановичъ, съ тѣхъ поръ какъ нахальное дышло сбило однажды шляпу съ головы его, а огромный рыдванъ переѣхалъ и колесовалъ ее нещадно, съ тѣхъ поръ Осипъ Ивановичъ ходилъ исключительно по тротуару и бульвару, (котораго теперь впрочемъ давно уже нѣтъ), держался всегда правой руки, давалъ всякому встрѣчному дорогу и никогда не пускался на дрожащую и

стенающую подъ тяжестію колесъ мостовую. Если же какой нибудь неуклюжій лабазникъ, пролагая себѣ путь грудью и плечами, наваливалъ изрѣдка, всею тяжестію своего хлѣбнаго тѣла, на Осипа Ивановича, то это было для него опасно только по праздничнымъ и воскреснымъ днямъ, когда его одѣвали въ нѣмецкое суконное платье, которое, какъ извѣстно, пудры и муки не любитъ; по буднямъ же тиковый или нанковый халатъ сносилъ подобный ударъ судьбы безропотно и Осипъ Ивановичъ воспоминалъ только съ ужасомъ, какъ бы затрещала бѣдная голова его и жалости достойный привѣсокъ, если бы наглая оглобля угодила по ниже, и не лабазникъ, тяжелая карета прошла бы поперегъ живота, т. е. сѣдалища и средоточія жизни его.

Нѣсколько разъ уже честный жестяникъ, Иванъ Ивановичъ, хотѣлъ обратить ученика своего въ первобытное его состояніе, къ булочнику Ивану Ивановичу, по недостатку, какъ онъ выражался,

смѣлости и самоувѣренности въ размахѣ клепальнаго молотка. «Онъ только накладываетъ латунь и жесть,» говорилъ великій мужъ клёпани, жестяникъ Иванъ Ивановичъ, и «никакъ не можетъ пріучиться дать ей вольнымъ ударомъ молотка ровный, естественный и пріятный для глазъ погибъ. Вы знаете, любезный кумъ, что кривая линія душа изящнаго; ломанная линія напротивъ обижаетъ глазъ; а у него вездѣ выходятъ углы, шишки и выбоины.» Названный отецъ Осипа угощалъ тёзку своего пивомъ и кренделями, и просилъ не терять надежду и терпѣніе, а сдѣлать изъ Оськи человѣка. Такъ прошло два года, Оськѣ скоро 15 лѣтъ и жестяникъ, потерявъ наконецъ всякое терпѣніе и состраданіе, ударилъ ученика своего неудачнымъ жестянымъ рукомойникомъ, работы ученика, въ голову, и пошелъ самъ объявить тёзкѣ своему и гефатеру о происшедшемъ и просить положительно взять своего питомца и пустить его по другой, болѣе сподручной ему дорогѣ.

«Возьмите его,» говорилъ онъ запыхавшись, «возьмите: въ рукѣ его нѣтъ никакого сочувствія къ правильной кривой линіи и всякая работа его обидна глазу честнаго человѣка. Скажу вамъ еще болѣе, онъ даже при самой простой заклепкѣ, не можетъ дать, создаваемой подъ молоткомъ головкѣ гвоздя, пріятную и необходимую округлость; нѣтъ, онъ плющитъ его все прямо въ темя и каждая работа его должна проходить снова сквозь мои руки. Это невыносимо; знаете ли, любезный сватъ, теорія ваша о мозговомъ привѣскѣ на этомъ маломъ, на Оськѣ, не подтверждается. — У него и въ головѣ Богъ знаетъ что такое, что у порядочныхъ людей бываетъ совсѣмъ не въ этой благородной полости, а про горбъ его и говорить нечего, и Анна Ивановна права, это должно быть произошло отъ ушиба.»

Иванъ Ивановичъ вздохнулъ и взялъ питомца своего домой; но домъ этотъ, какъ Иванъ Ивановичъ опять подвинулся впередъ, стоялъ около того мѣста, гдѣ нынѣ Александринскій театръ, а Аничковскій

дворецъ былъ недавно выстроенъ на засыпанномъ болотѣ и бывшемъ на этомъ мѣстѣ дугообразномъ озерѣ.

«Нечего дѣлать,» сказалъ Иванъ Ивановичъ, подумавъ, женѣ своей Аннѣ Ивановнѣ, «пустить его по другой дорогѣ. Спрашивалъ я его, добивался къ чему у него есть охота — не знаю говоритъ, ни къ чему.»

Еще по выше, на той же правой сторонѣ Невскаго, уже не далеко отъ Полицейскаго мосту, жилъ въ то время Князь Трухинъ–Соломкинъ. Иванъ Ивановичъ ставилъ къ нему въ домъ сухари, булки и крендели и былъ коротко знакомъ съ дворецкимъ Князя. Этимъ–то путемъ пристроили Гомера писцомъ въ домовую Княжью Контору и горбунчикъ подвинулся еще сажень на сто выше по Невскому проспекту. Чудная судьба этого человѣка, итти исполинскими шагами впередъ, пройти всю длину Невскаго, до краеугольнаго дому одной стороны, и возвратиться вспять по другой, не отшатнувшись никуда, ниже на полпяди въ сторону.

Осипъ Ивановичъ и въ княжескомъ домѣ не зазнавался: былъ по прежнему тихъ и смиренъ, изрѣдка только опаздывалъ къ дѣлу, зазѣвавшись, по всегдашней привычкѣ своей, на улицѣ. Лѣтъ пятнадцать служилъ онъ въ домовой конторѣ Князя Трухина–Соломкина, въ послѣднiй день какъ въ первый, и не слыхалъ ни худаго слова, ни хорошаго. Въ половинѣ восьмаго часа онъ вставалъ, одѣвался, пилъ съ названными родителями свой чай и ѣлъ вволю отборные, румяные сухари; въ половинѣ девятаго бралъ онъ трость и шляпу и отправлялся мѣрнымъ шагомъ вверхъ по Проспекту, все по лѣвую сторону его, до Княжескаго дому, до Полицейскаго мосту, молча входилъ онъ въ контору, молча принимался за переписку разныхъ бумагъ, счетовъ и писемъ и молча кланялся, если старшiй конторщикъ или помощникъ его входили; ровно въ полдень ставилъ перо въ большую, круглую чернильницу синяго стекла, отправлялся домой, обѣдалъ, возвращался въ три часа, и смотря по надобности, сидѣлъ до шести,

восьми или и позже; приходилъ домой, ужиналъ картофельный супъ и ложился спать. Онъ переписывалъ все, что ему наваливали на столъ, отъ слова до слова, отъ буквы до буквы и никогда не ошибался; но если бы ему дать перебѣлить приговоръ на ссылку его самого въ каторжную работу, онъ бы набралъ и отпечаталъ его четкимъ перомъ своимъ съ тѣмъ же всегдашнимъ хладнокровіемъ, ушелъ бы домой и спокойно легъ бы почивать, не подозрѣвая даже что ему угрожаетъ. Это былъ секретарь въ полномъ смыслѣ слова, потому что все, что онъ писалъ, оставалось даже для него самого ненарушимымъ секретомъ. Князь записалъ однако же писца своего на службу, по Канцеляріи Пажескаго Корпуса, и Осипъ Ивановичъ, проходя ежедневно по нѣскольку разъ мимо Гостиннаго Двора и Садовой, видѣлъ въ сотнѣ шаговъ отъ себя зданіе, въ которомъ числился на службѣ, но ни разу не доходилъ къ нему ближе, чѣмъ вела обычная его дорога. Осипъ Ивановичъ все еще, во всѣхъ походахъ своихъ отъ

Аничкова до Полицейскаго мосту, держался правой стороны и держалъ правѣе при каждой встрѣчѣ съ прохожими; онъ все еще боялся каретъ, и близкій стукъ колесъ наводилъ на душу его какую–то робость; онъ все еще, впродолженіе 30 лѣтъ жизни, ни одного разу не садился на дрожки, а и того менѣе въ коляску, не ѣзжалъ отроду на колесахъ — на саняхъ же Осипъ Ивановичъ позволилъ себѣ прокатиться, изъ дому къ должности, впродолженіе 15 лѣтъ службы своей, не болѣе трехъ разъ. Онъ до того свыкся съ улицею родины, жительства и службы своей, что говорилъ, по расказамъ и по наслышкѣ, о другихъ частяхъ города, какъ мы толкуемъ иногда о Новой Голландіи. Все что лежало внѣ Проспекта, Осипъ Ивановичъ называлъ заграничнымъ; и если ему случалось пройти за чѣмъ нибудь въ Гостинномъ дворѣ нѣсколько лавокъ по зеркальной линіи, то онъ записывалъ и отмѣчалъ день этотъ словами: «былъ за границей, купилъ платокъ, подтяжки, и проч.» Впрочемъ и на это пускался Осипъ Ивановичъ очень

рѣдко и только по самой необходимости; а большею частію самая даже попытка проникнуть за границу ему не удавалась. Такъ напримѣръ: онъ рѣшился однажды итти за границу шаговъ съ сотню по Фонтанкѣ отъ Аничкова моста, что бы посмотрѣть на звѣря тюленя морскаго, котораго тамъ показывали на рыбной баркѣ; но не сдѣлалъ еще и 50 шаговъ какъ зазѣвался, и водоносъ–дворникъ задѣлъ за него ведромъ или концомъ коромысла, выплеснулъ ему за воротникъ полведра воды, отбилъ и остудилъ всю любознательность его. Въ другой разъ онъ было рѣшился навѣстить пріятеля въ Морской; но при самомъ поворотѣ въ улицу, гласъ совѣсти его до того возмутился, что Гомеръ нашъ самъ испугался отваги своей, остановился, призадумался, зазѣвался на этотъ заграничный край — и опомнившись, немедленно воротился.

При всемъ томъ однако же Осипъ Ивановичъ крайне любилъ разговаривать о заграничныхъ новостяхъ, т. е. о томъ, что

дѣлается у Обухова моста, на Острову, на Моховой; объ этомъ бесѣдовалъ онъ съ большимъ участіемъ и распрашивалъ людей бывалыхъ, какъ тамъ живутъ? онъ любопытствовалъ также узнать о цѣнахъ на различные припасы въ разныхъ частяхъ города, слушавъ съ завистію о дешевизнѣ на Сѣнной, самъ же не бывалъ и ногой даже на Кругломъ рынкѣ, а держался во всемъ мелочной лавочки №1, бывшей въ томъ же домѣ, гдѣ жилъ онъ самъ. Смерть названнаго отца его и отъѣздъ матери обратно на родину, въ Силезію, поставили было Іосифа прекраснаго на нѣсколько времени въ большое недоумѣніе; вскорѣ однако же онъ привыкъ къ новому положенію своему, которое въ сущности опять таки способствовало только къ производству его на высшее мѣсто. По совѣту и наставленію одного хорошаго пріятеля, онъ нанялъ комнату у портнаго, занимавшаго чердачокъ въ первомъ или второмъ домѣ отъ дворцовой площади, чѣмъ и заключилъ, такъ сказать первую половину прогулки своей по Невскому

проспекту, прошедши въ 30 лѣтъ всю правую сторону его, отъ Монастыря до Дворцовой площади.

Не пеняйте на эту скудную приключеніями, ничтожную первую половину жизни: такъ было, а мы взялись только передать то, что было; показать, въ какомъ тихомъ и безмятежномъ одиночествѣ иногда протекаетъ жизнь человѣка, среди шумной, трескучей и суетной столицы.

И такъ, часть вторая: житье бытье Осипа Ивановича во вторую половину жизни его, на пути отъ Дворцовой площади обратно до Невскаго монастыря, по лѣвой, аристократической сторонѣ Проспекта.

«Что вы не женитесь, Осипъ Ивановичъ,» сказалъ ему однажды задушевный пріятель его и сослуживецъ по Княжей Конторѣ, «что бы вамъ жениться?»

Горбунчикъ улыбнулся зарумянившись, вздохнулъ, пожалъ плечами и увѣрялъ, что онъ бы и не прочь отъ этого дѣла — да не легко его состряпать; гдѣ найдешь невѣсту?

«На свѣтѣ не безъ добрыхъ людей, пособятъ. Пойдемъ, братъ, сегодня къ теткѣ моей, посовѣтуемся. А ужъ какую найдемъ тебѣ невѣсту!!»

Пріятель, какъ видите, навязавшись въ близкіе повѣренные Іосифу, сталъ дружески говорить ему *ты*.

«Да кто же за меня пойдетъ?»

— Какъ кто? всякая пойдетъ; тутъ подошло братъ время голодное, жениховъ нѣтъ, ни золотника. Двѣнадцатый годъ переморилъ ихъ на голову, а тамъ всѣ за границу ушли, одни мальчишки да старики только и остались. —

«Хорошо–съ, да тетка ваша пожалуй захочетъ высватать мнѣ заграничную? я право этого боюсь.»

— Какую заграничную, чудакъ ты, вотъ напримѣръ дочь Семена Ивановича — а?

«Да Семенъ Ивановичъ гдѣ живетъ? вѣдь онъ никакъ въ Фонарномъ переулкѣ?»

— Ну такъ чтожъ тебѣ до этого? —

«Нѣтъ–съ, подумать страшно. Завяжется эдакое заграничное свойство — я

вѣдь къ нимъ туда не пойду ни за что; а тутъ станутъ звать да просить....»

И вотъ главнѣйшая причина, почему Осипъ Ивановичъ остался холостымъ; на Невскомъ проспектѣ невѣсты для него какъ–то не случилось, взять заграничную онъ боялся, робѣлъ, въ нерѣшимости время бѣжало своимъ чередомъ — и ушло.

Завязалась было разъ у него любовишка и на Проспектѣ, и крѣпко было показалась ему дѣвушка, и не сердилась она на недостатокъ или избытокъ Осипа Ивановича, не брезгала горбомъ его и отвѣчала по видимому нѣжной страсти, слушала охотно, когда онъ пѣлъ нѣжнымъ голосомъ своимъ: «Жестокую Темиру» или «Звукъ унылый фортепіано» и все шло, казалось, хорошо — да портной Иванъ Ивановичъ перешелъ съ угла Литейной къ самому Пушечному двору, туда, за Аннинскую кирку, и Осипъ Ивановичъ принужденъ былъ проститься со своею возлюбленною на вѣки. Тяжело и грустно ему бѣдному было и ходилъ онъ съ недѣлю крѣпко повѣсивъ носъ; потомъ уже по

маленьку провѣтрился и успокоился. Тянуться за нею туда, онъ ни за что не рѣшался; сердце ныло, но остывало мгновенно, когда преступная мысль, искать счастья на Литейной, приходила ему въ голову.

Иногда пугала Осипа Ивановича — котораго между тѣмъ произвели уже въ Регистраторы — еще одна мысль: что, если его вдругъ потребуютъ на службу, въ Канцелярію Пажескаго Корпуса? проходя по Невскому отъ Гостиннаго двора къ Библіотекѣ, поперегъ устья Садовой, горбунчикъ нашъ крестился тихомолкомъ при такой мысли; это было бы довольно значительное отклоненіе отъ Проспекта, отъ привычнаго и протореннаго пути — волосъ становился дыбомъ отъ такихъ ужасовъ, и Осипъ Ивановичъ вечеромъ долго не могъ уснуть; въ такихъ случаяхъ и горбъ не давалъ ему спать и бѣднякъ ворочался съ боку на бокъ до поздней ночи, часу до двѣнадцатаго.

Всѣ новѣйшія перемѣны и украшенія Невскаго проспекта совершались въ глазахъ

Осипа Ивановича; онъ каждую недѣлю раза два проходилъ, гуляя, всю длину его и замѣчалъ все, что дѣлалось. Двукратная переворотка бульваровъ, постройка Александринскаго театра и Михайловскаго дворца, съ проложеніемъ новой улицы, въ особенности смущали Осипа Ивановича: онъ видѣлъ сперва одно только разрушеніе и съ безпокойствомъ спрашивалъ у работниковъ и мастеровыхъ: не весь ли Проспектъ будутъ ломать, и не ошиблись ли они, не лучше ли обождать прибытія Архитектора и распросить хорошенько, точно ли все это пойдетъ въ сломку? Онъ иногда при этомъ постукивалъ тростью въ каменную стѣну и говорилъ: «кажется еще очень прочно и крѣпко, постояло бы еще безъ всякой опасности.» А если напримѣръ сломаютъ весь Невскій проспектъ, куда я тогда дѣнусь и что изъ меня будетъ? Въ такія минуты отчаянья, Пажескій Корпусъ, иногда столько пугавшій Осипа Ивановича, былъ для него отрадною мыслью и надёжой–оплотомъ; должно быть Корпусъ уцѣлѣетъ, а это все таки улица близкая,

сосѣдняя, знакомая. Предшествовавшее этимъ работамъ сооруженіе дома Генеральнаго Штаба и свода въ Малой Миліонной, также привлекало все любопытство Іосифа прекраснаго; онъ даже рѣшился однажды взглянуть на оконченное зданіе, пройти по Малой Миліонной, въ вороты, на самую площадь; но выглянувши изъ–подъ огромнаго, великолѣпнаго свода на одну изъ обширнѣйшихъ въ мірѣ городскихъ площадей, онъ оробѣлъ; ему сдѣлалось какъ–то душно и страшно, имъ овладѣла тоска по родинѣ, сердце сжалось, и онъ поспѣшно отступилъ и воротился по Малой Миліонной на Проспектъ. Тутъ онъ перевелъ духъ и свободно оглянулся.

«Какъ же вы, Осипъ Ивановичъ, живете 39 лѣтъ въ Питерѣ и не видали Невы, не видали ни одного ялбота, ни судна, за исключеніемъ барокъ на Мойкѣ и Фонтанкѣ? Взгляните хоть на новый Исакіевскій мостъ, съ чугунными надолбами и фонарными столбами.»

Осипъ Ивановичъ вздохнулъ и долго не рѣшался; нужно было напередъ доказать

ему, что Исакіевская площадь, обще съ Адмиралтейской и Дворцовой, составляютъ въ сущности продолженіе и принадлежность Невскаго проспекта; нужно было еще много убѣдительныхъ просьбъ и приглашеній, а потомъ наконецъ — нужно было взять его вдвоемъ подъ руки, и тащить за собою насильно.

Поровнявшись съ памятникомъ Петра Великаго, Осипъ Ивановичъ остановился; изумленіе растянуло лице его въ длину и онъ невольно снялъ шляпу. Но едва погрузился онъ въ созерцательное забытье, т. е. по всегдашней привычкѣ своей зазѣвался, какъ карета четверней, которая везла какого–то большаго барина, вѣроятно къ весьма поспѣшному обѣду, накатила на Іосифа со страшнымъ стукомъ и молніеобразною быстротою. Гомеру казалось, что онъ лежитъ уже подъ колесницей, и всѣми силами рукъ и ногъ своихъ онъ упирался и противодѣйствовалъ всесокрушительнымъ ударамъ колесъ: тщетная борьба длилась одно только мгновеніе и Іосифъ очнулся на жесткой

мостовой, куда метнула его мощная рука пріятеля, спасая отъ потоптанія лошадьми и колесованія рыдваномъ. Съ нимъ–то, съ пріятелемъ своимъ, Осипъ Ивановичъ боролся усильно, обезумѣвъ въ испугѣ и принявъ спасительную десницу пріятеля своего, за роковую спицу цѣпляющаго за него колеса.

Этимъ могли бы окончиться на сей разъ всѣ бѣдствія Осипа Ивановича, если бы предупредительная судьба не опредѣлила ему еще другаго рода испытаніе, или наказаніе за дерзкое и своевольное уклоненіе отъ столбоваго пути жизни, отъ Невскаго проспекта. Въ то время не рѣдко случалось, что шалуны отвертывали позолоченныя верхушки копій отъ ограды памятника; надзоръ за этимъ поручался Сенатскому караулу; Осипъ Ивановичъ, съ испугу отъ наѣхавшей кареты, ухватился за прутъ рѣшетки и вскочилъ на каменное основаніе ея; часовому показался прыжокъ этотъ издали подозрительнымъ, онъ закричалъ Ефрейтора и Іосифа ни съ того ни съ сего взяли было на гауптвахту.

Испугъ и страхъ его превосходилъ всякое описаніе. Къ счастію товарищи его, менѣе робкіе, не покинули бѣдняка въ этомъ отчаянномъ положеніи и наконецъ выручили его убѣдительнымъ представленіемъ и объясненіемъ дѣла.

Разсудительный, безъ всякихъ дальнѣйшихъ поясненій, угадаетъ, что Осипъ Ивановичъ, освободившись такимъ образомъ отъ грозившей ему двоякой опасности, поправилъ заплечный привѣсокъ свой и стремительнымъ шагомъ ударился обратно во свояси, не видавъ ни Невы, ни мосту, ни ялботовъ; что одно только воспоминаніе о памятникѣ Петра Великаго заставляло его, на улицѣ, снимать со страхомъ шляпу, а у себя въ домѣ оглядываться во всѣ стороны, не угрожаетъ ли опять откуда нибудь бѣдствіе и гибель.

Не удаляясь съ Невскаго, Осипъ Ивановичъ одаренъ былъ отъ природы необыкновенною способностію находить подъ руками все, въ чемъ онъ нуждался. Дивные расказы пріятелей о удобствахъ и дешевизнѣ на Щукиномъ и Апраксиномъ

дворахъ, прельщали его, но не обольщали; онъ умѣлъ отыскивать и на самомъ Невскомъ проспектѣ мастеровыхъ, которые одѣвали, обували и снаряжали его въ люди не дороже, если еще не дешевле, Щукина двора. Онъ доходилъ до нихъ по особымъ связямъ и знакомствамъ и отыскивалъ ихъ преимущественно между дворниками, подмастерьями и господскими людьми. Къ ремесленнику подъ вывѣской Осипъ Ивановичъ не заглядывалъ никогда.

Когда подошло замѣчательное время, памятное для всего Петербурга, для Россіи, для цѣлой Европы: 1812 годъ, то Осипъ Ивановичъ также, какъ многіе другіе, опасался нашествія Французовъ на Питеръ, складывалъ и собиралъ въ кучку всѣ драгоцѣнности свои, все, съ чѣмъ онъ не хотѣлъ растаться, и готовился, въ случаѣ крайности, искать спасенія въ Выборгѣ или Гельсингфорсѣ. Мысль эта, мысль покинуть Невскій проспектъ и даже самый Питеръ, была для Осипа Ивановича убійственна, схватывала его за горло какъ удушье — но, таково было въ то время общее

расположенiе умовъ, или вѣрнѣе и правильнѣе сказать, общаго чувства, что даже такому человѣку, каковъ былъ Осипъ Ивановичъ нашъ, не могло притти на умъ остаться спокойно въ столицѣ, при нашествiи врага: бѣжать, отступить, покинувъ и здѣсь, какъ въ первопрестольномъ градѣ, однѣ стѣны и кровли, казалось всякому необходимостiю, святымъ долгомъ. Никому и никогда на умъ не приходило, чтобы можно было, какъ дѣлали въ свое время почти всѣ столицы Европы — отдаться спокойно въ руки иноплеменнаго врага и считать его главою роднаго Царства. И Осипъ Ивановичъ судилъ и рядилъ съ другими, въ тѣсномъ кругу своемъ, только о томъ, куда перенесетъ Царь столицу свою, гдѣ будетъ средоточiе правительства, гдѣ присутственныя мѣста и проч. Послѣднее тѣмъ болѣе озабочивало Гомера, что онъ служилъ теперь въ Губернскомъ Правленiи. Долго онъ не рѣшался на сомнительную службу эту — сомнительную для него потому, что Правленiе было и тогда, какъ

теперь, за угломъ Невскаго проспекта, на Адмиралтейской площади; Гомеру страшно было пуститься на такую заграничную службу, почти въ виду памятника Петру I–му и Сенатской гауптвахты — опознавъ съ пріятелями своими во всей подробности мѣстоположеніе будущаго поприща своего, онъ крайне обрадовался, когда убѣдился на дѣлѣ, что оно составляетъ небольшое продолженіе Невскаго и слѣдовательно, по всей справедливости, можетъ быть причислено ко внутреннимъ губерніямъ Имперіи. Осипъ Ивановичъ шелъ сначала отъ угла Невскаго съ оглядкой, посматривая, на сколько онъ удалился отъ родины своей; наконецъ, махнувъ рукой, согласился, и его приняли охотно, потому что онъ писалъ чистенько.

Осипъ Ивановичъ участвовалъ также душею и сердцемъ въ славѣ русскаго мужества и доблести, при возвращеніи гвардіи изъ–за границы: никто, конечно, не встрѣтилъ здѣсь гвардію нашу съ такимъ страхомъ удивленія и глубокаго, безпредѣльнаго уваженія, какъ Осипъ

Ивановичъ; каждый солдатъ былъ, въ глазахъ его, богатырь баснословный, и одно воспоминаніе о далекихъ, пройденныхъ имъ странахъ, поселяло въ Гомерѣ нашемъ священный ужасъ изумленія. Онъ качался стоя на ногахъ, голова у него кружилась, когда онъ расматривалъ этихъ сподвижниковъ славы.

Жизнь Осипа Ивановича текла такъ мирно и тихо и однообразно, что онъ оглянуться не успѣлъ, какъ дожилъ и до наводненія 1824–го года. Послѣ этого страшнаго перевороту, у него осталось, отъ сильнаго душевнаго потрясенія, по гробъ свой, привычка вздыхать по временамъ тяжело и приговаривать, покачавъ головой, кстати и не кстати: «суета суетъ и всяческая суета; все тлѣнно, все бренно; нигдѣ и никогда жизнь наша не бываетъ въ безопасности и умереть когда нибудь да надо.» Съ этого бѣдственнаго дня, Осипъ Ивановичъ сталъ невольно и часто размышлять и разсуждать о смерти, о послѣднемъ часѣ своемъ и даже о свѣтопреставленіи. Осипъ Ивановичъ

просидѣлъ, во время наводненія, преспокойно у себя дома, въ комнаткѣ, которую нанималъ у ремесленника, на заднемъ дворѣ, гдѣ платилъ со столомъ 35 р. въ мѣсяцъ; но страхъ былъ великъ. Осипъ Ивановичъ дѣлалъ разныя предположенія, когда вода покрывала весь дворъ на цѣлую сажень; предположенія о томъ, что должно или можетъ послѣдовать, если Богъ попуститъ ей прибывать еще цѣлую недѣлю; онъ совѣтовался съ хозяиномъ своимъ, такимъ же храбрымъ человѣкомъ, объ отступленіи свыше предѣловъ общаго ихъ владѣнія, за черту жилыхъ покоевъ, на чердакъ; хватался за подоконишники, за толстую каменную стѣну и пытался встряхнуть или покачнуть ее, чтобы, глядя въ окно на воду, убѣдиться, крѣпко ли на ногахъ стоитъ каменный домъ и не снесетъ ли его, чего добраго, водой? Случай этотъ, наводненіе, былъ такъ новъ и неожиданъ для Осипа Ивановича, что онъ не могъ еще долго опомниться и образумиться, когда вода давно уже сбыла и весь Петербургъ

начиналъ уже вступать въ привычную колею своей обиходной жизни. Осипъ Ивановичъ съ любознательнымъ страхомъ распрашивалъ: какія же будутъ приняты впередъ, отъ подобныхъ неблагонамѣренныхъ покушеній мокрой стихіи, мѣры? Останется ли Питеръ на томъ же мѣстѣ, или, какъ уже значительная часть Невскаго проспекта неоднократно была сломана, то не вздумаютъ ли перенести Петербургъ въ Москву, которая, какъ слышно, лежитъ выше? И тутъ Гомеръ, какъ будто уже не боялся этого перемѣщенія, а старался поощрять къ тому будочниковъ и городовыхъ, задобривая ихъ въ пріятельской бесѣдѣ. Осипъ Ивановичъ полагалъ, что дѣло зависитъ частію отъ этого начальства. Осипъ Ивановичъ не видѣлъ причины, почему бы наводненію не быть каждый день, коли уже опытъ доказалъ, что оно быть можетъ; и въ этомъ случаѣ не видѣлъ возможности оставаться и жить въ Петербургѣ, «развѣ» прибавлялъ онъ «развѣ гдѣ нибудь на Литейной, куда вода, какъ слышно, не дошла; но вѣдь это

уже не Петербургъ, тамъ есть свои жители, а тутъ свои, все равно, какъ живутъ люди и въ Царѣ–градѣ и въ Америкѣ.» Въ день наводненія, Осипъ Ивановичъ не былъ въ Губернскомъ Правленіи, хотя это былъ день не праздничный; въ теченіе слишкомъ трехъ десятковъ лѣтъ, одинъ только этотъ день, Осипъ Ивановичъ не былъ у должности.

Такъ событія за событіями неслись мимо Осипа Ивановича, и не смотря на силу впечатлѣній своихъ, едва касались его краемъ полы, не производя, въ однообразной жизни его, никакого переворота. Осипъ Ивановичъ, который только съ тѣхъ поръ, какъ утратилъ названыхъ родителей своихъ и сталъ жить вполнѣ на своихъ харчахъ, нашелъ, по изобрѣтательности несытаго желудка, нашелъ путь и способъ прибавить, къ посильнымъ доходамъ, еще не большой доходецъ отъ рукъ своихъ, отъ рукодѣлья. Казенное содержаніе его никогда непростиралось далѣе сотень, и Осипъ Ивановичъ клалъ тысячи рублей только на счетахъ, но не видалъ ихъ никогда въ глаза,

какіе они живутъ на свѣтѣ; по этому онъ, кромѣ того, что велъ для забавы дневникъ, собиралъ тщательно всѣ записочки на хорошую ваксу, чернила, на порошки выводить пятна, клоповъ и прочее, работалъ также, на досугѣ, разныя бумажныя клееныя издѣлья и сбывалъ ихъ съ рукъ, хоть дешево, да за наличныя деньги. Какъ только нужда прижметъ его, такъ онъ посидитъ одну ночь, наклеитъ пилюльныхъ коробочекъ сотни двѣ, снесетъ ихъ ранехонько въ аптеку у Аничкина моста — и красненькая въ карманѣ; а не то, состроитъ кухоньку съ очагомъ, плитой и русской печью, поставитъ кухарку, дворника–дровосѣка и дѣвку–чернавку, раскраситъ все это, покроетъ лакомъ, яичнымъ бѣлкомъ, проведетъ прехитро, отъ рукъ и ногъ, проволоки къ рычажку, который движется позади кухни, снесетъ въ игрушечныя лавки или магазины и получитъ цѣлковый, или ужъ на худой конецъ полтинникъ, за одну такую штуку. На аптеку у Аничкина моста и на игрушечныя лавки, Осипъ Ивановичъ работалъ

постоянно, и находилъ время и средства заработывать покрайней мѣрѣ столько же, сколько онъ получалъ жалованья.

Приближаемся къ самому достопамятному событію въ жизни Осипа Ивановича: ему случилось быть на Петербургской сторонѣ, разъ въ жизни случилось быть за границей, даже по ту сторону Невы — но его свезли туда ночью и ночью опять обратили, онъ ничего не видалъ, и говорилъ объ этомъ событіи, какъ о приключеніи изъ тысячи одной ночи. Но пусть намъ Осипъ Ивановичъ самъ раскажетъ случай этотъ, подробно и обстоятельно; мы уже говорили, что герой нашъ велъ дневникъ, записывалъ постоянно все, что только разнообразило тихомирную жизнь его — выпишемъ нѣсколько страничекъ изъ дневника этого, чтобы познакомиться ближе съ замѣчательнымъ пріемышемъ булочника Ивана Ивановича и Анны Ивановны.

***7–го Января.* Слякоть страшная, коею будучи застигнутъ, принужденъ вооружиться калошами и зонтикомъ.**

Конечно жаль калошъ, но и сапоги поберегать надобно. Подклеилъ одну пару, для сухаго времени — ничего не замѣтно. Перевязалъ на зонтикѣ одинъ прутъ проволокой, желѣзной, перезженной — сталъ отчего–то колоться. Въ Правленіи сказали, что приказано впередъ держать, въ каждой части, катера или ялботы, для спасенія жителей, вслучаѣ (чего Боже упаси) — наводненія. Конечно такъ; да много ли усядется, по нечаянности, на одинъ ялботъ? Очень опасно жить въ Петербургѣ. Суета суетъ и всяческая суета; когда нибудь умереть надо. Да, этого нельзя миновать. Эту истину я слышалъ отъ одного пьянаго, котораго городовой везъ на дрожкахъ; мужикъ лежалъ навзничь, поперегъ дрожекъ, глядѣлъ на небо, и указавъ туда же пальцемъ, сказалъ съ чувствомъ: «служивый — а служивый! всѣ тамъ будемъ!!»

8–*го Января* — праздникъ; не былъ въ Правленіи, клеилъ коробочки: не забыть бы выпросить завтра у Архиваріуса черновой бумаги, вся вышла. Сварилъ сандалу, на

цвѣтную бумагу. Сегодня морозъ и колоть: стукъ отъ каретъ страшный: все думается, не скачутъ ли пожарные. Конечно, вода въ столицѣ нашей очень опасна; но страшенъ, какъ подумаешь хорошенько, и огонь: а упаси Боже сверху огонь, а снизу вода..... да, когда нибудь смерти не миновать.

9–*го Января*. Завалили перепиской, до четвертаго часу не вставалъ со стула, даже, съ позволенія сказать, потъ прошибъ и носу утереть некогда было. Что дѣлать, надо служить. Козьма Ивановичъ ошибся въ чемъ–то, совралъ, да такъ и подалъ Терентью Семеновичу; а Терентій Семеновичъ и спросили: «развѣ вы по русски не знаете, не понимаете, что пишете: какъ же можно нагородить такую безсмыслицу?» Терентію Семеновичу хорошо такъ отважно говорить, его перебѣлять не заставляютъ; онъ уже за сочинительскимъ столомъ сидитъ, такъ ему конечно ужъ приходится понимать, что пишетъ; а нашему брату, развѣ есть когда заниматься пустяками, любопытствовать и разбирать бумаги, что написано? эдакъ, за

разборомъ, и ничего не напишешь. Столько лѣтъ служа въ этомъ званіи, да если у кого достанетъ смѣлости день деньской, съ утра до ночи, входить въ такія подробности и обременять память свою, можно съ ума сойти. Только надобно, конечно, разбирать по вѣрнѣе глазами и писать рукѣ воли не давать, что написано, а не что въ голову придетъ. — Получилъ отъ Егора Степановича отличный рецептъ на зеленыя чернила и загадочку: запишу.

Зеленыя чернила. Взять яри мѣдянки и виннаго камню на вѣсъ по равну, истолочь мелко, положить въ поливанную или стеклянную посудку, налить уксусу ренскаго, вѣсомъ столько же, какъ и яри, грѣть по немногу дня два, три или болѣе, встряхивая: когда образуется сверху пріятнаго цвѣта зеленая жидкость, слить ее и подбавить камеди аравійской.

Загадка. Что выше лошади, а ниже собаки? Отвѣтъ: сѣдло; оное выше лошади, когда лежитъ на ней, а ниже собаки, буде лежитъ на землѣ.

Завтра непремѣнно постараюсь сочинить загадку; это пріятная забава, и загадаю Егору Степановичу.

11–*го Января.* Все морозъ; и вчера тоже былъ морозъ; въ Правленіи ничего особеннаго не случилось, кромѣ того, что сторожъ Яковъ пришелъ хмѣльной и хотѣлъ повѣсить шинель Совѣтника, да задѣлъ обшлагомъ за гвоздь вѣшалки и, такъ сказать, самъ себя повѣсилъ, не могъ никакъ распутать обшлага и стоялъ, воздѣвъ руки кверху, сопѣлъ и покачивался, такъ, что всѣ сошлись въ переднюю смотрѣть на него, и много смѣялись. Орефій Ивановичъ приказали однакоже Степану распутать его, снять съ гвоздя и положить спать на лавку, въ служительской казармѣ; дураку Якову показалось, съ пьяныхъ глазъ, что Степанъ держитъ руку его, и онъ, размахнувшись другою, ударилъ его въ затылокъ. Однакоже его сняли съ вѣшалки и увели; велѣно завтра высѣчь.

Вчера я не записалъ ничего; аптекарь просилъ поторопиться принести коробочекъ

пилюльныхъ, подъ золотой бумагой; она 40 коп. листъ, а выходитъ только сорокъ восемь кружковъ — 6 по листу; да 8 поперегъ; а лапшу эту, обрѣзки, почти некуда дѣвать, не выкроишь ничего. Напрасно; что за щегольство?

Загадки я однакожъ не сложилъ; хотѣлъ было загадать веретено, да не приберешь, какъ его тамъ замаскировать. Простая вещь, а вѣдь тоже надобно взяться за нее по привычкѣ.

12–*го Января*. Рѣшился не брать вовсе сухарей, ни въ лавочкѣ, ни у булочника; прошло золотое время, когда ѣлъ ихъ на выборъ, вволю. О добрые родители мои! нѣтъ васъ, буду брать вѣсовой бѣлой хлѣбъ, по 11 копѣекъ, фунтъ.

14–*го Января*. Вчера приключеніе было необыкновенное, даже перебой подъ сердцемъ еще чувствую, и давитъ подъ ложечкой. Господи Боже мой, какъ тяжело на свѣтѣ жить! И какіе есть люди, на подобіе звѣрей хищныхъ, не помышляющіе о погибели собратій своихъ! 13–е Января для меня черный день; справился по

дневнику моему, и сряду 3 года, въ этотъ день, сокрушаетъ меня бѣдствіе. Третьяго году собака изорвала шинель — это такъ и записано — прошлаго году ночью, по темнотѣ, глотнулъ ошибкою изъ бутылки чернилъ, вмѣсто кислыхъ щей, и прескверныхъ, видно съ купоросомъ. Ныньче — даже страшно и непріятно писать, что случилось; однакоже написать, для порядку, должно; буду казниться, глядя на такія страсти. Да, не миновать намъ смерти, никому.

Зашелъ я вечеромъ къ Егору Ѳедоровичу, давно уже просилъ и даже приглашалъ. Было темно, какъ обыкновенно, уже съ пятаго часу, но Егоръ Ѳедоровичъ нынѣ житель не заграничный, хоть и не близко отъ насъ: подъ каретнымъ рядомъ. Тамъ провели время пріятно, все больше на гитарѣ играли и пѣли разныя пѣсни, на хорошіе голоса. Какъ общество было только холостое, то меня и просили спѣть чувствительную пѣсню: «Чѣмъ я тебя огорчила»; не успѣлъ я покончить всѣхъ куплетовъ, какъ вошли къ Егору

Ѳедоровичу два актера, изъ подставныхъ, однакожъ очень, какъ говорилъ Егоръ Ѳедоровичъ, извѣстные и старые пріятели его, и звали съ собою прокатиться, такъ какъ они ѣхали въ казенномъ возкѣ по домамъ, а напередъ хотѣли еще покататься съ пріятелемъ. «Хорошо,» говоритъ Егоръ Ѳедоровичъ, «вотъ и кстати, и завеземъ Осипа Ивановича домой, онъ живетъ у Полицейскаго мосту;» и представилъ меня господамъ актерамъ, и мы, какъ слѣдуетъ, вѣжливо раскланялись и сказали, какъ обыкновенно, что рады имѣть честь познакомиться лично. Я было не рѣшался ѣхать съ ними, но Егоръ Ѳедоровичъ меня убѣдилъ и обѣщалъ прямо подвезти къ Полицейскому мосту. Входимъ въ возокъ, т. е. въ карету, а тамъ сидитъ человѣкъ шесть и какія–то женщины, или можетъ быть дамы; и какъ старые знакомые, всѣ эти господа и госпожи, съ большимъ хохотомъ приняли Егора Ѳедоровича, и говорили, что изготовили ему этотъ сюрпризъ. Егоръ Ѳедоровичъ и самъ сталъ кричать съ ними, шумѣть и шутить и

смѣяться; закричали пошелъ, и подняли такую возню въ возкѣ, что меня въ потьмахъ совсѣмъ и забыли, и забыли сказать, чтобы остановиться у Полицейскаго моста; а я сижу спокойно, прижавшись въ уголъ, и жду все, скоро ли пріѣдемъ. Между тѣмъ оказалось, что нѣкоторые изъ господъ актеровъ были подгулявши, и послѣ радостей и смѣховъ, у нихъ вышла какая–то общая ссора, и подняли такой содомъ, что ябъ радъ былъ въ окно выскочить — но боялся сломить шею; лошади бѣгутъ, а я, какъ человѣкъ къ ѣздѣ не привычный, боялся убиться. Двери были только однѣ, да и тѣ съ задняго крыльца, куда мнѣ и не было возможности пробраться. Такимъ образомъ, вышла у нихъ ссора и о томъ, куда ѣхать напередъ; тотъ кричитъ туда, тотъ туда, тотъ туда, тотъ зоветъ всѣхъ вмѣстѣ на край свѣта — и одинъ какой–то, наконецъ–таки осилилъ и перекричалъ всѣхъ и велѣлъ, ѣхать — куда бы вы думали? на Петербургскую сторону! Я все сидѣлъ въ страхѣ и молчалъ, между тѣмъ, какъ всѣ они кричали въ запуски, и

дамы и кавалеры; но когда рѣшено было ѣхать въ такую заграничную сторону, то сердце мое замерло, я присоединился къ недовольнымъ, и сталъ просить убѣдительно, высадить покрайности меня къ Полицейскому мосту: просилъ, молилъ — никто меня и не слышитъ, не слушаетъ, не отвѣчаетъ; всякій кричитъ свое и всѣ горячатся, а меня и не слушаютъ. Наконецъ сосѣдъ мой, который сперва спорилъ, а потомъ замолчалъ и завалился, сложивъ руки, въ самый задъ кареты, толкнулъ меня очень невѣжливо локтемъ, сказавъ: «Сидите вы тутъ, и безъ васъ тошно; какой Полицейскій мостъ, когда мы уже въѣзжаемъ на Воскресенскій.» Я ужаснулся, и едва не обомлѣлъ; глухой стукъ и гулъ по деревянному мосту точно раздавался уже отъ нашей кареты и другихъ экипажей; — къ счастію было очень темно, я не видалъ ни моста, ни воды, а жмурился въ ужасѣ, когда свѣтъ фонаря падалъ въ окно кареты... Я замолчалъ и горько себѣ заплакалъ. Наконецъ, подъѣхали къ

какому–то низенькому дому, вышли всѣ, съ тѣмъ же крикомъ и шумомъ — я не успѣлъ оглянуться, куда они всѣ дѣвались, и Егоръ Ѳедоровичъ также, Богъ ему прости кровную обиду эту — а меня покинули. О, страшно одному на чужбинѣ, и еще въ темную ночь... кучеръ также былъ очень не доволенъ этой поѣздкой, кричалъ и бранился съ господами актерами, которые выскочили и ушли, не затворивъ даже дверецъ возка; кучеръ слѣзъ съ козелъ и обошолъ кругомъ — потому что дверцы эти отворялись тамъ, гдѣ у другихъ каретъ бываютъ запятки — и увидалъ меня въ возкѣ, и видно призналъ за чужаго; онъ сталъ гнать меня вонъ немилосердо, не хотѣлъ и слышать увѣренiй моихъ, что меня обѣщали подвезти къ Полицейскому мосту; наймите, говоритъ, себѣ извощика. Страшная это была для меня минута! одинъ на бѣломъ свѣтѣ, на чужой, далекой сторонѣ, всѣ откинулись отъ меня, и даже кучеръ гонитъ, хочетъ покинуть на гибель! я обѣщалъ ему полтинникъ, который вчера получилъ отъ аптекаря — къ счастiю со

мною больше денегъ не было, я бы ему отдалъ всѣ; онъ умилосердился и привезъ меня домой. О, какъ я горячо молился, кинувшись на колѣни, когда пришелъ въ родную комнату свою, со слезами и со вздохами! я былъ очень болѣнъ, и насилу потащился сегодня въ Правленіе; отъ жестокой качки въ возкѣ меня тошнило; отъ крику и шуму голова кружилась, а со страху помутило на душѣ и потемнѣло въ глазахъ. Нѣтъ, клятву далъ, ни за какія блага не поддаваться впередъ убѣжденію людей, для коихъ жизнь человѣка ни по чемъ; мужикъ сказалъ правду: всѣ тамъ будемъ и смерти не миновать — но противно Божескому промыслу итти на гибель добровольно, или по неблагонамѣренности другихъ. Вотъ какія непредвидимыя опасности грозятъ человѣку, кромѣ огня и воды, и какъ надобно остерегаться людей. Нѣтъ, никто не минуетъ участи своей, и всѣмъ намъ умереть должно. На что же человѣкъ родится?

***Не забыть*: узнать завтра въ Правленіи у кого нибудь, какой такой есть Иванъ–чай,**

дешевый и съ хорошимъ настоемъ, и гдѣ его можно получить? *Во вторыхъ*: какой органъ явился у Палкина въ трактирѣ, играетъ разныя штуки, говорятъ, и можно ли его послушать даромъ?

Кончимъ этимъ, на первый случай, выписку изъ дневника Осипа Ивановича и скажемъ только, что весь дневникъ его былъ похожъ на приложенный образецъ; но приключенiй, подобныхъ 13–му Января, не было и нѣтъ у него; это случай необычайный и самый не обыкновенный во всю жизнь Осипа Ивановича. Ненависть его къ возкамъ и каретамъ возрасла, съ этого времени, до высшей степени, и никакое убѣжденiе, никакiе доводы и причины не могли его понудить, во всѣ остальные два десятка лѣтъ жизни, поставить ногу на приступокъ какого нибудь экипажа.

Восхожденiе Осипа Ивановича, на правой сторонѣ Невскаго проспекта, представляетъ намъ восходъ свѣтила — ростъ и мужалость нашего героя — тутъ слѣдуетъ, по общимъ законамъ природы, временное стоянiе на одной и той же

точкѣ — и наконецъ нисхожденіе по лѣвой сторонѣ тогоже пространства, закатъ. Дни его клонятся исподволь къ концу, любимой истинѣ его должно сбыться, и хмѣльной мудрецъ, лежавшій навзничъ поперекъ дрожекъ, сказалъ большую истину.

Судьба заставляла Осипа Ивановича перемѣнять обиталище свое нѣсколько разъ, и перешедши однажды на лѣвую сторону Проспекта, подвигаться исподволь дальше и дальше. Жизнь его оставалась таже; но онъ, по службѣ, перешелъ въ Думу, и по этому поводу отыскалъ себѣ комнату на углу Караванной. Здѣсь пришла ему было опять охота жениться и пожить семьяниномъ; но судьба явно противоборствовала этому счастью и подсылала ему невѣстъ — не сподручныхъ. Іосифъ и самъ испугался, когда его привели было на смотрины, въ сосѣдній цвѣточный магазинъ, гдѣ работала какая–то дѣвушка, согласившаяся напередъ и за глаза, на союзъ сердецъ съ горбатымъ и немолодымъ чиновникомъ. «Какая она мнѣ ровня,» сказалъ вздохнувши Іосифъ; и не смотря на

всѣ убѣжденія услужливыхъ людей, у него достало таки ума, рѣшительно отъ этого союза отказаться. Онъ справлялся даже и въ аптекѣ, куда столько лѣтъ ставилъ коробочки, нѣтъ ли гдѣ, по близости, необходимой для него половины — но всѣ исканія и старанія его остались безъуспѣшны; его только раза два одурачили, и этимъ вовсе отбили охоту пускаться на такіе сомнительные поиски.

Прошло еще нѣсколько лѣтъ — и судьба привела Осипу Ивановичу служить въ Канцеляріи Педагогическаго Института, за Аничкинымъ мостомъ, на лѣвой сторонѣ. Не думайте, чтобы онъ былъ сдѣланъ здѣсь Правителемъ Канцеляріи — нѣтъ, волосъ на головѣ его давно уже перещеголялъ, серебристымъ отливомъ своимъ, самый дорогой боберъ — Іосифъ восходилъ также, мало по малу, лѣствицу чиновъ, и былъ уже Титулярный — но занятія его оставались все однѣ и тѣже, и за сочинительскимъ столомъ ему сидѣть не удавалось. Опытная, привычная рука чертила условные знаки, какъ деревянный телеграфъ шевелитъ

безсознательно руками и ногами; онъ передаетъ тѣмъ, у кого есть ключь этой грамоты, все что угодно, а самъ ничего не знаетъ, не вѣдаетъ.

Въ этой нравственной и умственной непорочности засталъ Осипа Ивановича 56–й годъ жизни его, считая по именинамъ, потому что дня рожденія его никто не зналъ. 4–е Апрѣля — это, какъ вы знаете, весна, гдѣ все такъ свѣжо и дѣвственно, все благоухаетъ, наземъ, наросшій по улицамъ, въ теченіе полугода, распускается, киснетъ и катитъ незатѣйливыя волны свои, подъ метлами дворниковъ, по великолѣпнымъ улицамъ столицы — когда небо бываетъ подернуто мечтательною пеленою, ниспосылающею, раза по три въ день, благодать свою на землю нашу въ крупныхъ и мелкихъ капляхъ — когда птички такъ радостно поютъ на Щукиномъ дворѣ, и свѣжая зелень — въ зеленныхъ лавкахъ и на кусочкахъ дерну, привозимыхъ въ продажу для плѣнныхъ въ столицѣ жаворонковъ — услаждаетъ зрѣніе и обоняніе наше; и такъ, 4–го Апрѣля Осипъ

Ивановичъ отпраздновалъ свои именины, и въ этотъ день, не смотря на всеобщую веселость пяти или шести собесѣдниковъ, вздыхалъ чаще прежняго, говорилъ о суетности мірской, о наводненіяхъ, пожарахъ, и наконецъ о естественной смерти человѣка, которой нельзя миновать. Мудрецъ, лежащій поперегъ дрожекъ, съ разметанной по вѣтру бородой, какъ пишутъ короля Лира, пришелъ опять на память нашему Гомеру, и слова: «всѣ тамъ будемъ,» звучали въ ушахъ его, какъ великая, глубокая истина. Осипъ Ивановичъ расчувствовался, простился около полуночи трогательно съ товарищами своими, объявилъ имъ, что они, вѣроятно, въ послѣдній разъ отпраздновали съ нимъ этотъ замѣчательный день — потомъ усердно и со слезами помолился и легъ спать.

Давненько уже Осипъ Ивановичъ началъ хилѣть, и до времени одряхлѣлъ. Одышка брала его все чаще и чаще, грудь залегала, и пилюли пріятеля его, аптекаря, очищая порядочно желудокъ, не приносили

груди никакой помощи. Осипъ Ивановичъ разсудилъ весьма основательно, что это иначе и быть не могло; всякое снадобье идетъ въ желудокъ, спровадить его въ легкіе нельзя, какую же тамъ отъ него ожидать помощь?

Прошло недѣли три, и Осипъ Ивановичъ сталъ ходить въ Канцелярію рѣже, чего съ нимъ никогда доселѣ не случалось — а вскорѣ стулъ его оставался и вовсе не занятымъ. Привычка слышать ежедневно о какомъ нибудь изъ знакомыхъ, что онъ не здоровъ, была причиною тому, что на бѣднаго больнаго нашего обратили вниманіе — когда онъ лежалъ уже безъ памяти. Утромъ, въ первыхъ числахъ Маія, дворникъ, прислуживавшій Осипу Ивановичу, прибѣжалъ сказать сослуживцамъ его, что онъ скончался.

Вѣсть эту, какъ обыкновенно, встрѣтили недовѣрчивымъ: неужели?! но пришедши на мѣсто происшествія, по неволѣ убѣдились въ смерти Осипа Ивановича. Кто былъ его отецъ, мать? гдѣ братья, сестры, родные? Нищета ли принесла его на порогъ Анны

Ивановны, или преступная любовь? Всего этого ни въ дневникѣ, ни въ духовной Осипа Ивановича не было написано, тайна никѣмъ не разоблачилась. Она умерла, вмѣстѣ съ нашимъ героемъ.